

80

Е.ШВЕДЕРЬ.

347

ПРИБЛЮЧЕНІЯ БУЛЬДОШКИ

А.Попов

Mr.

Ш-341

Приключения бульдошки

РАЗСКАЗЪ
ЕВГЕНІЯ
ШВЕДЕРА
РИСУНКИ
А. КОМАРОВА

МОСКВА.
1918.

Б.
Ш 341 бн.

20763 1867-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДОУЧЕНИЯ КЛАССА
ДК УЧЕБНА

I.

Самая интересная часть моей жизни начинается съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ къ новымъ хозяевамъ. До этого времени я жилъ въ грязномъ полутемномъ сараѣ, откуда меня рѣдко выпускали на свободу, причемъ свобода эта ограничивалась такимъ же грязнымъ и тѣснымъ дворомъ.

Но вотъ однажды мой хозяинъ, зайдя въ сарай, отыскалъ меня, поднялъ за шиворотъ и вынесъ на дворъ. Здѣсь онъ показалъ меня какому-то незнакомому, изящно одѣтому господину, который долго ко мнѣ присматривался, трогалъ рукой, заставлялъ меня бѣгать и велъ продолжительную бе-

сѣду съ моимъ хозяиномъ. Затѣмъ мнѣ на шею надѣли какую-то петлю, привязали къ ней веревку, и изящный господинъ потащилъ меня за собой.

Не скажу, чтобы эта прогулка мнѣ нравилась. Я предпочелъ бы идти безъ всякой веревки, останавливаясь, гдѣ мнѣ вздумается, и чувствовать себя вполне свободнымъ.

Особенно обидными казались мнѣ насмѣшки встрѣчныхъ собакъ, которыя съ изумленіемъ и, какъ мнѣ показалось, съ презрѣніемъ глядѣли на меня, пренебрежительно повизгивая.

Я всячески упирался, стараясь освободиться отъ веревки, но всѣ мои попытки оставались тщетными и только ухудшали мое

положеніе: веревка больнѣе рѣзала шею, и я чуть было не задохся.

II.

Прогулка,—если только подобное шествіе можно назвать прогулкой,—длилась довольно долго, но, наконецъ, мы пришли къ красивому дому, совершенно не похожему на тотъ, въ которомъ жилъ мой хозяинъ. По просторной свѣтлой лѣстницѣ меня втащили на второй этажъ, и едва я успѣлъ опомниться и оглядѣться, какъ около меня раздался звонкій голосокъ:

— Папочка, милый, это ты мнѣ привелъ такую хорошенькую собачку?

Говорили, очевидно, обо мнѣ, и меня, слѣдовательно, называли хорошенькой собачкой. Это, нѣсколько смягчило мое мрачное настроеніе, и я сталъ уже доброжелательнѣе оглядываться по сторонамъ.

Дѣвочка, назвавшая меня хорошенькой собачкой, моя новая хозяйка, произвела на меня хорошее впечатлѣніе.

«Она, пожалуй, не будетъ меня бить и не заставитъ голодать»,—подумалъ я.

Къ прежнему своему хозяину я не былъ привязанъ, видѣлъ отъ него, въ сущности,

очень мало хорошаго, и разлука съ нимъ не печалила меня. Я только боялся, что попаду въ болѣе худшія условія. Теперь тревога эта постепенно разсѣивалась.

— Милый Бульдошка, ты очень грязный,—говорила моя хозяйшкa,—и я не могу оставить тебя въ такомъ видѣ. Прежде чѣмъ начать играть съ тобой, тебя надо привести въ приличный видъ. Вотъ этимъ мы сейчасъ и займемся.

Я началъ беспокоиться, что станутъ со мной дѣлать? До сихъ поръ мнѣ никто не говорилъ, что я грязный, и никто не заботился о моей внѣшности. А что, если эти заботы связаны съ какимъ-нибудь непріятнымъ ощущеніемъ? Надо быть насторожѣ.

Моя хозяйшкa, между тѣмъ, принесла большую лоханку, кувшинъ съ теплой водой, мыло и губку и принялась за дѣло. Поставивъ меня въ лоханку, она принялась обильно поливать меня водой, намыливать мыломъ и тереть губкой. Вначалѣ это показалось мнѣ очень непріятнымъ. Я даже попробовалъ было заворчать.

— Полно, полно, не сердись, Бульдошка,—успокаивала меня моя хозяйшкa,—скоро

я кончу и отпущу тебя, и ты почувствуешь, что это за удовольствіе быть чистымъ!..

И на самомъ дѣлѣ, когда съ меня смыли мыльную пѣну и вытерли на-сухо полотенцемъ, я почувствовалъ себя превосходно.

«Да, пожалуй, она права»,—подумалъ я,—«гораздо пріятнѣе ходить чисто вымытымъ, чѣмъ грязнымъ».

III.

Послѣ ванны меня отлично накормили, а затѣмъ хозяйюшка моя потащила меня въ свою комнату. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть множество любопытныхъ вещей:—были тутъ и куклы, и мохнатый Мишка, и плосконосый утенокъ, и еще множество другихъ предметовъ, названія которыхъ я не знаю.

— Милый Бульдошка,—молвила моя новая хозяйюшка,—ты знаешь, что ученье свѣтъ, а неученье тьма? Поэтому я хочу заняться твоимъ обученіемъ. Мы, конечно, начнемъ съ азбуки, и я надѣюсь, что ты окажешься способнымъ и прилежнымъ ученикомъ.

Увы, я совершенно не оправдалъ ожиданій своей учительницы. Открывъ книгу, она произносила какіе-то отдѣльные звуки, что-то мнѣ показывала, но я только иско-

са поглядывать на нее и ждать, когда все это кончится. Мнѣ было скучно сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ, и я предпочелъ бы, свернувшись колачикомъ, подремать гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, чѣмъ заниматься совершенно неподходящимъ для собаки дѣломъ—обучаться грамо-

тѣ. Повидимому, моя хозяйюшка тоже пришла къ такому же заключенію, что изучать грамоту—это не собачье дѣло, и потому прекратила урокъ...

— Ты меня огорчилъ, Бульдошка,—сказала она,—я думала, что изъ тебя выйдетъ ученая собака, которая удивить всѣхъ на выставкѣ.

Я вопросительно взглянулъ на нее, ничего не понимая.

— Да, да, Бульдошенька, — продолжала она, — ты вѣдь не знаешь, что скоро будетъ собачья выставка, на которую мы думаемъ отправить тебя.

«Вотъ такъ штука! Это что еще за новость?» — подумалъ я. — «Куда это они собираются меня отправить? Ужъ не сбѣжать ли мнѣ отсюда поскорѣе къ своему старому хозяину? Дорогу я, во всякомъ случаѣ, сумѣю найти, а тамъ хоть тоже ничего хорошаго нѣтъ, но зато все знакомо и не приходится ждать каждую минуту сюрпризовъ». Однако, изъ самолюбія я отбросилъ эту мысль. На самомъ дѣлѣ я вовсе не хотѣлъ, чтобы меня сочли за труса... Что-жъ, посмотримъ, что за штука выставка, о которой говорила моя хозяйюшка.

IV.

Ждать пришлось довольно долго, и за все это время меня прекрасно кормили, заботились о моей внѣшности и выводили на прогулки.

Наконецъ, тщательно вымытый, съ прекраснымъ розовымъ бантомъ на шеѣ, я оказался на выставкѣ. Тутъ только я увидѣлъ, что напрасно это слово меня пугало: на

выставкѣ я оказался въ самомъ разнообразномъ и притомъ изысканномъ обществѣ. Всѣхъ насъ, собакъ, собралось много десятковъ, и каждой изъ насъ было отведено особое мѣсто. На выставкѣ было много посѣтителей, которые насъ разсматривали съ большимъ вниманіемъ и дѣлали различныя

замѣчанія. Сначала это вниманіе меня немного смущало, но скоро я освоился и сталъ находить въ этомъ даже удовольствіе.

Рядомъ со мной помѣщалась собака неизвѣстной мнѣ породы, которая носила кличку Тотти. Сначала я отнесся къ ней нѣсколько враждебно, но затѣмъ познакомился и подружился.

Моя хозяйшкa, постоянно посѣщавшая выставку, обратила вниманіе на нашу дружбу.

— Нужно позаботиться, Бульдошка, что-

бы у тебя быть товарищъ. Тебѣ будетъ веселѣе, неправда-ли?

Противъ этого, конечно, я ничего не могъ возразить. Правда, я не испытывать особой скуки, но если предлагаютъ товарища, то зачѣмъ же отъ него отказываться?

Хозяюшка исполнила свое обѣщаніе, и Тотти сталъ появляться у насъ на квартирѣ. Съ нимъ я проводить превесело время. Мы придумывали разнообразныя игры, иногда довольно шумныя, но всегда веселыя и оживленныя. Тотти, къ тому же, всегда оказывался превосходнымъ товарищемъ.

V.

Однажды кошечка Мурка, существо избалованное и капризное, подкралась къ моему завтраку и съѣла его на моихъ глазахъ.

— Нѣтъ, этого нельзя оставить безнаказанно, — проворчалъ Тотти, наблюдавшій вмѣстѣ со мной за продѣлкой Мурки.

— Что же ты хочешь дѣлать? — спросилъ я.

— Вотъ увидишь,—отозвался онъ и бросился съ громкимъ лаемъ на Мурку.

Я думалъ, что кошка, при видѣ Тотти, бросится бѣжать, но не тутъ-то было: выгнувъ спину и распустивъ хвостъ, она рѣшила, видно, защищаться.

— Ну, я этого не боюсь, ничуть не боюсь,—храбрился Тотти.—Я покажу, какъ съѣдать чужіе завтраки.

И онъ бросился на Мурку.

Но не прошло и минуты, какъ случилось нѣчто неожиданное: Тотти, съ жалобнымъ визгомъ, отлетѣлъ въ сторону, а Мурка быстро проскользнула въ дверь. Я совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять...

Бѣдному Тотти пришлось жестоко поплатиться за свою смѣлость и долго ходить съ повязкой на головѣ и забинтованной лапкой.

Однако, случай этотъ нисколько не охладилъ его смѣлости, и у него постоянно, какъ это я замѣтилъ, являлись какіе-то отчаянные замыслы.

VI.

Едва только выпалъ первый снѣжокъ, и прудъ затянулся тонкой коркой льда, какъ Тотти сталъ уговаривать меня отправиться поскользить по льду.

— Но вѣдь это опасно,—возразилъ я Тотти.

— Пустяки. Ты самъ убѣдишься, что въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго.

— Однако же, ледъ можетъ проломиться.

— Какой ты трусь!

Этотъ упрекъ задѣлъ мое самолюбіе, и я рѣшилъ отправиться къ пруду.

— Ты посмотри, какой чудеснѣйшій ледъ,—восхищался Тотти.—Онъ какъ стекло. Ну, скользи же смѣлѣй...

Забава наша продолжалась, однако, очень .

недолго: неокрѣпшій лёдъ проломился, и я угодилъ въ ледяную воду.

Ахъ, какой это былъ жуткій моментъ! Я беспомощно барахтался въ водѣ, чувствуя, что гибель моя близка. Лапы мои цѣплялись за лёдъ, но онъ обламывался все больше

и больше, а Тотти только съ ужасомъ глядѣлъ на меня, не зная, что принять. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, когда я уже считалъ себя совсѣмъ

погибшимъ, мнѣ удалось кое-какъ выбраться на лёдъ.

Не помню ужъ, какъ я добрался до дома,—мнѣ кажется, что я былъ близокъ къ потерѣ сознанія, и все, что происходило потомъ, вспоминается мнѣ, какъ во снѣ.

Я, конечно, схватилъ сильнѣйшую простуду, и мнѣ пришлось долго лѣчиться и принимать горячія ванны и горькія лѣкарства, проводя все время въ постели.

Тотти навѣщалъ меня, и по его глазамъ я видѣлъ, что онъ чувствуетъ себя виновата

тымъ въ случившемся. Однажды онъ даже началъ разговоръ на эту тему:

— Мнѣ крайне непріятно, что тебѣ изъ-за меня приходится страдать...

Но я не далъ ему кончить.

— Не стоитъ вспоминать прошлое. Мнѣ кажется, что мы оба виноваты.

Тотти, видя, что я на самомъ дѣлѣ не сержусь на него, повеселѣлъ и принялся кружиться по комнатѣ, какъ это онъ дѣлалъ въ минуты хорошаго настроенія.

VII.

Болезнь моя продолжалась довольно долго, и я не замѣтилъ, какъ подошла весна. Моя хозяйшкa начала поговаривать о переездѣ на дачу и рисовать мнѣ заманчивыя картины дачной жизни. Къ ей расскажамъ

я, однако, относился довольно равнодушно. Я не зналъ, что такое дача, а теперешнее мое положеніе считалъ настолько хорошимъ, что мѣнять его мнѣ не хотѣлось.

Но переѣздъ зависѣлъ, конечно, не отъ

меня, а отъ моихъ хозяевъ, и вскорѣ мы, на самомъ дѣлѣ, отправились куда-то. Ёхать пришлось не особенно долго, но поѣздка эта

для меня была сопряжена съ рядомъ неудобствъ. Во-первыхъ, меня посадили въ какую-то тѣсную корзину, гдѣ я не могъ

вернуться; затѣмъ безцеремонно швыряли изъ стороны въ сторону; наконецъ, передъ отъѣздомъ забыли меня накормить. И въ дорогѣ голодъ весьма основательно

давалъ себя чувствовать. На дачу поэтому я приѣхалъ въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа и, выбравшись изъ корзинки, отправился знакомиться съ мѣстностью.

Первая моя встрѣча привела меня въ большое изумленіе. Существо, которое я повстрѣчалъ, не походило ни на одно изъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ созданій. Розоватое тѣло, длинныя уши, круглый, точ-

но срѣзанный носъ, короткія ноги и маленькіе глаза—такова наружность этого существа.

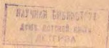
Я остановился въ недоумѣніи, не зная, какъ держать себя. Вѣдь, весьма возможно, что это отвратительное существо вздумаетъ вступить со мной въ драку.

— Хрю, хрю, хрю...— слышались странные звуки.

Я отступилъ на два шага назадъ.

— Хрю, хрю, хрю...— прохрюкало снова странное существо.

Приключенія бульдожки.

Я заворчалъ и приготовился къ бою.

Но хрюкающее существо повертѣло своимъ закорюченнымъ хвостикомъ и принялось рыть носомъ землю. Что оно хотѣло выразить этимъ,—не знаю, но изъ осторожности я счелъ болѣе благоразумнымъ убраться поскорѣе обратно и побѣжалъ къ дому, тѣмъ болѣе, что голодъ не на шутку мучилъ меня.

Дома вещи уже были распакованы и разбросаны по всѣмъ комнатамъ. Въ комнатѣ моей хозяйшки я нашелъ и ненавистныя мнѣ игрушки—чернаго человѣчка и собачку. Во мнѣ вспыхнула злоба. А ихъ-то зачѣмъ же взяли! Скажите пожалуйста! Вмѣсто того, чтобы позаботиться обо мнѣ, накормить меня передъ отъѣздомъ и предоставить мнѣ нѣкоторыя удобства въ дорогѣ,—они везуть съ собою эту дрянь! Гдѣ же справедливость!

VIII.

Накапливавшееся во мнѣ уже раздраженіе противъ игрушекъ, которымъ моя хозяйюшка удѣляла слишкомъ много вниманія, про-
рвалось наружу. Забывъ свою благовоспи-
танность, я бросился на игрушки и сталъ
ихъ нещадно трепать. Скоро отъ чернаго
человѣчка и нарядной собачки осталась куча
лохмотьевъ. Но эта расправа не удовле-
творила меня. Мнѣ хотѣлось сдѣлать еще
что-нибудь отчаянное, изъ ряда вонъ вы-
ходящее. Если на меня перестали обращать
вниманіе, перестали обо мнѣ заботиться,—
пусть, я имъ покажу себя. Подвернувшійся
мнѣ коврикъ постигла та же участь, что и
игрушки: я рвалъ его на клочки, точно сво-
его злѣйшаго врага, рвалъ съ ворчаніемъ и
повизгиваніемъ, радуясь производимому раз-
рушенію.

— Пусть не обижаютъ меня, — приго-
варивалъ я, стараясь убѣдить самого себя, что
я бѣдная, несправедливо обиженная собачка.

Когда съ коврикомъ было покончено, я
изорвалъ въ клочья туфли хозяина. Туфли
были совершенно новенькія, недавно ему
подаренныя на именины моей хозяйюшкой

и, говоря по правдѣ, мнѣ было жаль уничтожать ихъ, но я уже не хотѣлъ останавливаться на половинѣ дороги. Пусть будетъ, что будетъ!

Не знаю, сколько бѣдъ натворилъ бы я еще, если бы мои продѣлки не были замѣчены хозяиномъ.

— Ты что это дѣлаешь, мерзкая собачонка!—крикнулъ онъ грозно на меня.—Вот погоди, я тебя накажу за это безобразіе!

Я хотѣлъ, было, улизнуть отъ расправы, но не тутъ-то было. Хозяинъ схватилъ меня за шиворотъ и пребольно наказалъ хлыстомъ, а послѣ этого, надѣвъ на голову какой-то дурацкій колпакъ, приказалъ смирно сидѣть въ углу.

IX.

Нечего сказать, памятнымъ останется мнѣ этотъ первый день пребыванія на дачѣ! Я сидѣлъ въ углу злой, голодный, боясь шевельнуться. Вѣдь какъ хотите, а наказаніе хлы-

стомъ вещь весьма и весьма непріятная, и

подвергаться вторично этому наказанію мнѣ вовсе не хотѣлось.

Моя хозяйшка въ то время, какъ я сидѣлъ въ углу съ колпакомъ на головѣ, вела себя какъ-то странно. Я думалъ, что она меня пожалѣетъ, но она и не думала этого дѣлать, а, глядя на меня, съ укоризной приговаривала:

— Нехорошо, Бульдошка... Ты поступилъ очень нехорошо и огорчилъ меня... Зачѣмъ ты это натворилъ?

Я дѣлалъ видъ, что не слышу ея словъ и не смотрю на нее. А это развѣ хорошо, что я сижу до сихъ поръ нескормленный, и что со мной такъ отвратительно обращались въ дорогѣ? Наконецъ, что это за дача? Не успѣлъ я пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ наткнулся на какое-то странное, подозрительное существо, отъ котораго пришлось спастись чуть ли не бѣгствомъ. Я вѣдь не просился ѣхать на дачу,—зачѣмъ меня сюда привезли? Въ городѣ меня никогда не наказывали и только тутъ впервые мнѣ пришлось познакомиться съ хлыстомъ. Нѣтъ, ужъ я вовсе не хочу считать себя виноватымъ...

Горькія думы приходили мнѣ въ голову. «Стоить ли жить съ такими людьми, которые

понятія не имѣють о справедливости?—размышлялъ я. —Если они избили меня сегодня, то же самое можетъ случиться и завтра, и послѣзавтра. Кто защититъ меня отъ этого? Моя хозяйшка, повидимому, не хочетъ меня знать. Ну, что жь,—мнѣ останется только оставить этихъ людей и начать жить самостоятельно. Надо оставить дачу теперь же, а то можетъ произойти еще что-либо худшее».

Такъ я порѣшилъ и рѣшеніе свое привелъ въ исполненіе, не откладывая въ долгій ящикъ. Улучивъ минуту, когда никого не было въ комнатѣ, я сбросилъ съ головы дурацкій колпакъ и юркнулъ въ дверь.

Х.

Ну, вотъ, я на свободѣ, могу дѣлать, что угодно, итти куда вздумается, и никто не будетъ мной командовать, бить хлыстомъ и надѣвать мнѣ на голову дурацкій колпакъ. Теперь только нужно утолить голодь, который сильно мучаетъ меня.

Я на свободѣ, ушелъ отъ хозяина, значить, теперь некому заботиться обо мнѣ, и я долженъ самъ себѣ промышлять пропитаніе. Ну, что же, это, вѣроятно, не такъ трудно. Попробую поискать, не найдется ли чего-

нибудь съѣстного. Оглядываясь по сторонамъ, я, наконецъ, добрался до какого-то ларька, со стороны котораго несся чудеснѣйшій запахъ. Ахъ, какъ вкусно пахнетъ! По запаху я узнаю, что это ветчина. А вотъ она сама! Положена такъ удобно, что если подпрыгнуть повыше, ее можно легко захватить. Ну, что же, попробую продѣлать и это. Разъ! И окорокъ у меня въ зубахъ. Теперь только надо найти укромное мѣстечко, чтобы закусить на славу.

Но—увы,—не успѣлъ я пробѣжать нѣсколько саженой, какъ за мной началась отчаянная погоня. Бѣжалъ, вѣроятно, хозяинъ окорока, къ которому потомъ присоединился цѣлый десятокъ мальчугановъ.

Бѣжать съ такой тяжелой ношей было не легко. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы убѣжать отъ преслѣдователей, но разстояніе между мной и ими быстро сокращалось, и я чувствовалъ, что они скоро настигнуть меня. Что-то тогда будетъ? Вѣроятно, придется очень серьезно отвѣчать за свой поступокъ. Волей-неволей нужно подумать о своей шкурѣ и отказаться отъ добычи.

Съ сожалѣніемъ бросаю я тяжелый окорокъ и уже налегкѣ продолжаю удирать. Пре-

слѣдователи мои скоро отстаютъ, и я падаю въ изнеможеніи на траву, чтобы перевести духъ.

Однако, голодъ все сильнѣе и сильнѣе мучаетъ меня, и я начинаю опасаться, что мнѣ придется погибнуть отъ голода.

«Надо, во что бы то ни стало, добыть себѣ обѣдъ»,—раздумывалъ я, съ тоской вспоминая о тѣхъ вкусныхъ вещахъ, которыми всегда такъ щедро кормила меня моя хозяйшка.

«Не надо, однако, унывать,—ободряю я себя,—не удалось сейчасъ, удастся во второй разъ. Во всемъ нужна настойчивость. Нужно отправиться снова на поиски.»

XI.

Подбодрившись, я снова бреду дальше. Переправляюсь черезъ канаву, пробираюсь густымъ кустарникомъ, пролѣзаю черезъ изгородь и попадаю въ какой-то садъ. Тутъ невольно вниманіе мое привлекаютъ очень странные предметы.

«Нужно изслѣдовать, тутъ, быть можетъ, находится что-нибудь съѣдобное»,—раздумываю я и безъ особой предосторожности подхожу къ одному изъ странныхъ предметовъ. Подхожу къ нему поближе, начи-

наю обнюхивать, и,—о, ужась!—цѣлый рой пчелъ яростно бросается на меня. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ я вынесъ эту пытку. Я катался по травѣ, жалобно вылъ, царапалъ морду лапами, но ничто не помогало: пчелы жалили настойчивѣе и настойчивѣе, и я, какъ безумный, бросился бѣжать.

Опомнися я, когда отбѣжалъ очень далеко отъ злополучнаго мѣста, и пересталъ слышать около себя злобное жужжанье.

«Спасень!» — мелькнула у меня радостная мысль.

Да, я спасся отъ пчелъ, но жгучая, мучительная боль давала себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Ахъ, какимъ несчастнымъ и беспомощнымъ чувствовалъ я себя въ эту минуту, увидѣвъ передъ собой величественную птицу—индюка, какъ я узналъ послѣ.

— Что случилось?—задалъ онъ мнѣ вопросъ.—О чемъ ты плачешь?

Я началъ чистосердечно рассказывать о своихъ злоключеніяхъ, прерывая свой раз-

скажъ жалобнымъ взвизгиваніемъ, то и дѣло, утирая обильно струящіяся слезы.

Индюкъ выслушалъ внимательно мой разсказъ и неодобрительно потрясъ головой.

— Ты поступилъ неразумно,—молвилъ онъ.

— Почему?

— Зачѣмъ ты бросилъ хозяевъ, у которыхъ тебѣ жилось хорошо?

— Но меня тамъ наказывали хлыстомъ и заставляли сидѣть съ дурацкимъ колпакомъ на головѣ...

— А за что тебя такъ наказывали?

Я смутился и не зналъ, что отвѣтить.

— Тебя наказали за дѣло,—продолжалъ индюкъ,—ты перепортилъ массу вещей, доставилъ, какъ ты самъ мнѣ разсказалъ, своимъ хозяевамъ огорченіе, и еще хочешь, чтобы тебя за это хвалили?

— Но меня наказали хлыстомъ..

— Такъ. Но вѣдь раньше, когда ты велъ себя примѣрно, этого не случилось?

— Не случилось...—сознался я.

— Ну, вотъ, видишь. Значить, твои хозяева поступали по отношенію къ тебѣ вполне справедливо, и ты, какъ я уже сказалъ, на-

прасно ушелъ отъ нихъ: отъ добра добра не ищутъ.

— Но что же теперь дѣлать?

— Возвратиться къ хозяевамъ.

— Но мнѣ будетъ стыдно...

— А развѣ лучше, когда тебя будутъ преслѣдовать, какъ вора, или будутъ гонять отовсюду, какъ бездомную собаку, палкой. Ты былъ не правъ и поэтому долженъ сознаться въ своей неправотѣ.

Я чувствовалъ, что все то, что говорилъ индюкъ, — правда, и рѣшилъ вернуться къ своимъ хозяевамъ.

ХІІ.

Полуживой отъ голода и боли, припелся я на дачу, не зная, какъ меня тамъ встрѣтятъ. Но встрѣтили меня вполне ласково и радушно. Моя хозяйшка позаботилась, чтобы меня накормили, и принялась готовить лѣкарства, чтобы смягчить мучительную боль.

— Бѣдный Бульдошка, бѣдный Бульдошка!.. — повторяла она, и эти слова трогали меня до слезъ. На самомъ дѣлѣ, я былъ не правъ и поступилъ глупо, убѣжавъ отъ людей, которые относились ко мнѣ такъ хорошо.

Я только теперь вполне оцѣнилъ, что значить ласковое отношеніе и забота. Позднѣе же мнѣ никогда уже не пришлось болѣе ничѣмъ огорчать своихъ хозяевъ,—тѣмъ болѣе, что я уже превратился изъ маленькаго Бульдошки во взрослаго Бульдога.

Апр. 1969

20463

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕТГИЗА

